

В. И. АНТОНОВ

Бертран Рассел о постоктябрьской (большевистской) России и ее вождях*

Рассел проявлял живой и неподдельный интерес к Октябрьской революции, произошедшей в России. Горел большим желанием вживую ознакомиться с жизнью постреволюционной страны. И это ему удается. В 1920 г. Расселом в составе делегации лейбористской партии была осуществлена заветная поездка в Советскую Россию. Итогом 37-дневного пребывания (11 мая — 16 июня) в стране стала его книга «Практика и теория большевизма». Более или менее конкретное рассмотрение данной работы в фокусе вышеобозначенной темы как раз входит в предмет нашего исследования.

Уже в самом предисловии книги Расселом подчеркнуто: «Российская революция — одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей. Разница между этими двумя революциями иллюстрируется отличием Маркса от Руссо: последний — сентиментальный и кроткий, взывающий к чувствам, сглаживающий острые углы; первый — по-гегелевски систематичен, исполнен весомого интеллектуализма, апеллирует к исторической необходимости и техническому развитию промышленности, человеческое существо склонен рассматривать как марионетку, подвластную всемогущим материальным силам. В большевизме сочетаются черты Французской революции и черты ислама времен его расцвета; результатом явилось нечто радикально новое, что можно постигнуть лишь с помощью упорной и страстной силы воображения»**.

* В исходном тексте присутствует первый раздел «Краткая интродукция». Здесь мы его опускаем, поскольку его содержание практически полностью совпадает с содержанием статьи: Антонов В. И. «Бертран Рассел как явление в науке и обществе», включенном в данную антологию. — *Прим. науч. ред.*

** Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5.

При этом Рассел ключевым моментом в российской революции считает большевистскую попытку осуществить коммунизм. И эта попытка, основанная на героизме, порождает человеческие надежды. Поэтому за такую, по сути, дерзновенную попытку, без которой невозможно рассчитывать на конечный успех, как полагает Рассел, большевизм достоин благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества.

Рассел считает, что большевизм, если даже ожидает падение, останется легендой в истории, предстанет перед человеческим взором, в его восприятии незабываемой героической попыткой. Но его пугает метод, с помощью которого большевики хотят установить в России коммунизм. Этот метод суров и опасен. Но беда (еще одна) в том, что героическая попытка установить коммунизм полностью затмевает страшные издержки в процессе ее осуществления.

Он на стороне большевистской практики в той ее части, когда «фундаментальная экономическая реконструкция, чреватая весьма глубокими изменениями в образе мыслей и чувств, в философии и искусстве, личных отношениях, представляется абсолютно необходимой для того, чтобы материальное производство стало слугой человека, а не его господином»*.

Но Рассел вполне определенно отмежевывается от такого теоретического аспекта, заложенного в большевизме, когда это учение «не просто политическая доктрина, но еще и религия с своими догмами и священными писаниями. Когда Ленин хочет доказать какое-либо положение, он по мере возможности цитирует Маркса и Энгельса. Подлинный коммунист не просто человек, убежденный, что землей и капиталом необходимо владеть сообща, а их продукцию распределять, насколько возможно, поровну. Этот человек, который разделяет целую систему определенных догматических верований, вроде философского материализма, которые, может быть истинны, но не носят научного характера (нет таких способов, которые позволили бы установить их истинность с определенностью). Эта привычка абсолютной уверенности по поводу объективно сомнительных вещей — из тех, от которых мир постепенно избавляется <...> в пользу конструктивного и плодотворного скептицизма, характеризующего научное мировоззрение»**.

Интересны рассуждения Рассела о таких сущностных понятиях, характеризующих новую, большевистскую власть России, как «диктатура» и «пролетариат». Здесь он обращает особое внимание на чисто национальную (русскую) трактовку и понимание данных понятий.

* Там же. С. 6.

** Там же. С. 7.

«Когда русский коммунист говорит о “диктатуре”, он понимает это слово буквально, но когда он говорит о “пролетариате”, то он использует это слово в некоем пиквикском (т. е. в каком-то необычном, отличном от общепринятого — *В. А.*) смысле. Он при этом имеет в виду “классово сознательную” часть пролетариата, т. е. коммунистическую партию. Он включает в пролетариат людей, которые никоим образом не являются пролетариями (таких, как Ленин, Чичерин), но имеют “правильные” взгляды, и он исключает тех наемных работников, которые таких взглядов не имеют; последних он называет лакеями буржуазии. Коммунист, искренне разделяющий взгляды партии, убежден, что корень всех зол — частная собственность; он настолько убежден в этом, что не останавливается ни перед какими, даже самыми жестокими мерами, если они кажутся необходимыми для построения и сохранения коммунистического государства»*.

Рассела поражает то обстоятельство, что русский коммунист, или большевик (что одно и то же), одинаково не щадит себя и других. Обладание властью, контрольными функциями за снабжением жизненно необходимых продуктов не приводит его к зажиточности. Он ведет в абсолютном большинстве случаев аскетический образ жизни, который делает его еще более безжалостным. Рассел не без основания склоняется к мысли, что русский коммунист, беззаветно следуя учению Маркса о том, что коммунизм наступит по формационным законам истории с фатальной неизбежностью, свой (русский) характер и умонастроение невольно дополняет восточными (мусульманскими) чертами. Более того, он этим очень напоминает убежденность ранних последователей Магомета.

Выделяя в русском большевизме внутренний аристократизм и внешнюю воинственность, в его представителях Рассел отмечает мужественность, энергичность, способность властвовать, готовность служить новому государству. Но с другой стороны, егостораживают ничем не прикрытая наклонность в них к безудержному диктаторству, отсутствие снисходительности и терпимости к простому, лишенному элементарных условий жизни люду, т. е. к плебсу.

Как пишет Рассел, «практически они одни (т. е. русские коммунисты. — *В. А.*) обладают властью, вследствие чего могут иметь бесчисленные преимущества. Большинство из них — далеко не впадая в роскошь — питаются все же лучше, чем весь народ. Только люди с определенным политическим весом могут иметь телефон или автомобиль. Возможностей поехать куда-либо поездом, сделать покупки в советских магазинах (где цена примерно в пятьдесят раз ниже,

* Там же. С. 16.

чем на рынке), пойти в театр и так далее, конечно же, больше у тех, кто близок к власти, чем у простых смертных. И тысячами способов коммунисты могут достичь более благополучной, чем у остальных, жизни. К тому же они меньше обременены навязчивым вниманием со стороны полиции и Чрезвычайной Комиссии*.

Как известно, эти — власть держащие — коммунисты (большевики) в период сталинизма эволюционировали в мощную партийную номенклатуру с особыми привилегиями во всем. Причем подобные привилегии в дальнейшем обретали все более изощренные и многообразные формы и оставались в законной силе вплоть до кончины СССР в 1991 г.

Но вернемся к сказанному ранее. В то время, т. е. после посещения Советской России, больше всего Рассел опасался того, как большевики понимают и хотят реализовать идею мировой революции. Главное, они, в соответствии с марксовым предсказанием, видят здесь необходимость покончить с мировым капитализмом. Это возможно только вооружением пролетариата и одновременно разоружением буржуазии.

В то же время Рассел здесь не приемлет того, что капитализм менее плох, чем полагают большевики, а считает, что социализм на русской почве недостаточно исторически и экономически подготовлен предшествующим строем. Имея не лучшее состояние, он может осуществиться только через войну. А зло большой войны, основанное на гражданском противостоянии и последующем за ним неоправданном кровопролитии, по убеждению Рассела, может привести вообще к утрате наследия всей человеческой цивилизации. При этом взаимная ненависть, подозрительность и жестокость, порожденные такой войной, еще больше усугубят критическую ситуацию и сделаются повседневной нормой взаимоотношений людей.

Дабы одержать победу «в войне, необходима концентрация власти, а из концентрации власти вытекают те же самые бедствия, что и из капиталистической концентрации богатства. Именно вследствие этих причин не могу поддерживать любое движение, целью которого является мировая революция. Ущерб, нанесенный цивилизации революцией в одной стране, можно возместить при помощи других стран, в которых революции не было, но от последствий мирового катаклизма цивилизация не оправится в течение тысячи лет»**.

В этом смысле, как считает Рассел, большевики, как сторонники мировой революции, являются абсолютными интернационалистами. На его взгляд, даже Ленин живет революционными интересами России ничуть не больше, чем подобными же интересами других

* Там же. С. 18.

** Там же. С. 19.

стран. Поэтому Россия со своим примером и опытом главного в тот момент носителя социальной революции представляется наиболее ценной не только и не столько для себя, сколько для всего остального мира. Следовательно, по мнению Рассела, Ленин мог бы пожертвовать скорее Россией, нежели революцией (особенно мировой), в случае возникновения такой альтернативы. И это, безусловно, являлось ортодоксальной позицией, которую искренне в то время разделяли многие из большевистских лидеров. Более того, на почве национальной гордости за Октябрьскую революцию, как не один раз замечал Рассел, буйно начинал цвести настоящий национализм в сердцах русских коммунистов (большевиков). Его заметный подъем ощущался среди них, например, в ходе польской войны.

В целом Рассел российский вариант коммунизма считает провальным. Один из завершающих разделов его книги так и называется: «Почему российский коммунизм потерпел неудачу». Здесь в трех ключевых тезисах по существу перекликаются (где-то повторяются) основные причины этого поражения: 1. «Самым ярким проявлением общего развала России является продовольственный вопрос». 2. «Крах промышленности стал главной причиной трудностей с продовольствием и был, в свою очередь, усугублен им». 3. «Развал всей промышленной части национальной экономики, включая и транспорт, является основой остальных неудач Советского правительства»*.

Далее Рассел пишет: «Вследствие своей непопулярности большевикам пришлось опереться на армию и Всероссийскую чрезвычайную комиссию, они были вынуждены также свести систему Советов к пустой формальности. Их претензии быть представителями рабочих становятся все более несостоятельными. Тяжелый труд, длинный рабочий день, запрещение забастовок, тюрьма для уклоняющихся от трудовой деятельности, уменьшение и без того недостаточных пайков на предприятиях, где выпуск продукции упал ниже, чем ожидали власти, армия шпионов, готовая донести о любой тенденции к политическому недовольству и посадить в тюрьму его подстрекателей, — такова реальность системы, все еще открыто заявляющей, что она правит от имени пролетариата. В то же время внутренняя и внешняя (т. е. интервенция. — В. А.) опасность вызвали необходимость создания громадной армии (трехмиллионной. — В. А.) <...> Militarизм породил суровый диктаторский дух»**.

Все это верно подмечено Расселом. Все эти суждения и выводы вполне оправданы. Ведь Рассел посетил Россию в труднейшее для нее время, в тяжелейшую пору разрухи и интервенции.

* Там же. С. 94–95.

** Там же. С. 96.

Безусловно, лицо революции, новой России лучше высвечивается (если прибегнуть к тавтологии) в лицах ее вождей. Поэтому в книге «Практика и теория большевизма» достаточно подробно описаны встречи Рассела с двумя лидерами русской революции — Лениным и Троцким.

Интересны характеристики, данные им этим деятелям. Они, между тем, местами разнятся, даже противоположны друг к другу. Это, прежде всего, касается таких черт, как высокомерие, тщеславие.

Рассел отмечает прекрасное владение Лениным английским (кстати, он свободно владел десятью европейскими языками) во время часовой беседы с ним. Так что присутствие переводчика оказалось чисто символическим явлением. Вот что он пишет об этом вожде: «Обстановка кабинета Ленина очень проста <...> Очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже к комфорту. Он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. При встрече с ним, не зная, кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью и вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости»^{*}.

Рассел замечает одну особенность Ленина, когда тот пристально вглядывается в своих посетителей. Он обычно прищуривает один глаз, словно желая усилить проницательную силу второго глаза. Ленин всегда поначалу сопровождает разговор со своим собеседником дружелюбным и веселым смехом. Затем он становится саркастическим. От того собеседнику становится как-то не по себе.

И еще в глаза бросаются его спокойствие и властность. Чувствуется, что это «рыцарь без страха». Предстает перед собеседником совершенно свободным от всякого своекорыстия. Ленин кажется плоть от плоти абсолютным олицетворением высокой теории. Потому что в нем глубоко сидит материалистическое понимание истории как краеугольный камень этой теории.

Ленин больше похож не на предводителя, не на вождя, а на профессора, одержимого желанием сделать свою теорию понятной и доступной для всех, потому склонного к подробным разъяснениям, но готового обрушить всю свою ярость, кто не может понять ее или не согласен с ней.

«Я думаю, — признается Рассел, — что, если бы встретил его, не зная, кто он такой, не догадался бы, что он великий человек; он произвел на меня впечатление крайне самоуверенного, негибкого ортодокса. Его сила коренится, я думаю, в его честности,

^{*} Там же. С. 20.

мужестве и непоколебимой вере — религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное, но отличается меньшим эгоцентризмом <...> Я приехал в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения — не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету»*.

Но автору данных строк думается, что Ленин не был до конца ортодоксом, не был и догматиком в строгом смысле этого слова. «Логика его мыслей и действий, особенно в последний период деятельности, ясно свидетельствует о том, что Ленин окончательно созревает для нового видения и понимания природы социализма. И это в концентрированном виде, как итог, выражено в следующей знаменательной фразе: «Вместе с тем мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»**.

Но, увы, Ленину и по судьбе, и самой историей был предоставлен слишком мизерный срок для строительства нового, доселе в практическом плане не осуществленного строя. Причем, надо сказать, в мирных условиях.

Поэтому автором недвусмысленно подчеркивалось: «Учитывая конструктивный характер ленинского мышления, его высокую адаптивность и гибкость в самых различных исторических реалиях, европейскую культуру и образованность Ленина, глубоко сомнительно, чтобы он, поживи, допустим, десяток лет, трансформировался в зачатого коммуниста, т. е. в коммуниста сталинского, догматического образца. Ведь Ленин в сущности был западником: по духу, по стилю мышления, по воспитанию, по образу жизни, по блестящему знанию и владению всеми основными западноевропейскими языками, по опыту многолетнего пребывания в Западной Европе. Но Маркс и марксизм — тоже западное явление. Поэтому, на мой взгляд, очень трудно представить в потенции органичную смычку Ленина с такой постленинской деформацией, как Сталин, сталинизм».

Говоря же о Троцком, Рассел утверждает, что большевики ставят его вровень с Лениным. Он выделяет в нем следующие моменты: горящие глаза, военную выправку, искрящийся ум и магнетическое обаяние. Расселу Троцкий представляется очень симпатичным, с прекрасными вьющимися волосами, неотразимым для женщин. Он отличается жизнерадостностью и добрым юмором. Но этот юмор,

* Там же. С. 24.

** Там же. С. 97.

правда, у него продолжается до тех пор, пока не начинают ему противоречить.

Но далее у Рассела читаем нечто противоположное (по сравнению с Лениным) о Троцком: «Мне показалось — возможно, я и неправ, — что его тщеславие даже больше, чем его любовь к власти, — это тот сорт тщеславия, который скорее можно встретить у художника или актера. Подчас приходит в голову сравнение с Наполеоном»*.

Но что их объединяет, так это — интеллектуальные качества. Рассел отмечает, что Троцкий произвел на него большее впечатление своими интеллектуальными качествами, а о Ленине пишет, что «он <...> в интеллектуальном отношении является аристократом»**. Но полное идейное единение этих вождей основано на их непоколебимой вере в правоту марксистского учения, на их искренней и глубокой коммунистической убежденности.

Абсолютно контрастным обоим вождям Октябрьской революции Расселу представляется основоположник пролетарской литературы Горький. У него с писателем состоялась краткая беседа в Петрограде. Рассел навестил Горького, больного, лежащего в постели.

Вот что он пишет: «В нем чувствуется любовь к русским людям, которая делает их сегодняшние страдания невыносимыми для него самого и которая ослабляет фанатизм веры, характерный для ортодоксальных марксистов. Мне он показался более других достойным уважения и, на мой взгляд, наиболее симпатичным из всех русских, которых я видел. Мне хотелось получше выяснить его взгляды, но он говорил с трудом, и его речь постоянно прерывалась ужасными приступами кашля, поэтому я не мог остаться дольше. Все представители интеллигенции, которых я встречал, — класс, весьма сильно пострадавший, — выражали ему благодарность за то, что он для них сделал».

Рассел покинул Россию с вполне осознанным мнением, что Октябрьская революция по значимости сопоставима и в некоторых аспектах даже выше, чем Великая Французская революция. Разумеется, он как истинный демократ, либерал, поборник свободы, сторонник реформ и парламентской системы не мог согласиться с методами большевиков, для него были глубоко чужды революционное насилие и жертвы, в равной степени и догматизм большевиков, их нетерпимость к любому инакомыслию, подавление ими свободы личности. В этом контексте он вынужден был заключить: «Основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме ненависти и его вере, что человеческую природу

* Там же. С. 24.

** Там же. С. 21.

можно полностью преобразовать с помощью насилия»*. И Рассел был во многом прав.

Если же говорить о самой книге «Практика и теория большевизма», то она, несомненно, является важным историко-мемуарным документом. Книга остается актуальной и поныне как живой авторский источник о том сложном, неоднозначном периоде отечественной истории. Личные — весьма интересные, острые и критические — суждения и оценки автора вполне могут быть востребованы реалиями нашего времени, для обсуждения и рассмотрения их в современных общественных (исторических, политических), теоретических дискуссиях о судьбе и последствиях Октябрьской революции.

Книга Б. Рассела, безусловно, серьезно расширяет и обогащает наши представления о Советской России первых постоктябрьских лет и наши знания о том, как, насколько верно или неверно воспринимались на Западе Октябрьская революция и перспективы строительства нового общества, большевизм и Советская власть.

* Там же. С. 100.